

Петр Иванович Подгородецкий

Русские идут! Заметки путешественника

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177986

Русские идут! Заметки путешественника: АСТ; Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербурге; 2009

ISBN 978-5-17-058234-1, 978-5-9725-1484-7

Аннотация

Польша, Чехия, Германия, Афганистан, Мозамбик, Лесото, Израиль, Соединенные Штаты, Вьетнам, Китай, Греция, Турция, Египет, Тунис, благословенный Таиланд и прочее, и прочее, и прочее... Насмотрелся я там и сам всего разного, и наслушался рассказов о том, чего лично попробовать и испытать не удалось. Вот и решил снова прорезать правду-матку – рассказать о наших соотечественниках и тех, кто их встречал за рубежом, без разных рекламных штучек, без прогибов и всяких там экивоков. Хотя то, что я описываю прямо и без прикрас, на самом деле – лишь маленькая надводная часть айсберга, который представляет из себя «зажигалово» наших соотечественников в зарубежных странах... Думаю, что любая из рассказанных мною историй достаточно поучительна, и каждый сможет найти для себя что-то интересное.

Если встретите меня где-нибудь в Нью-Йорке, Гамбурге или на Самуи, подходите за автографом смело. Только не забудьте пароль: «Русские идут!»

Петр Подгородецкий

Содержание

Предисловие	4
В стране дядюшки Хо	7
Курица – не птица...	18
Хенде хох!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

П. Подгородецкий

Русские идут! Заметки путешественника

Предисловие

«Русские идут! Они везде!» – согласно преданию, именно с таким криком 2 мая 1949 года первый министр обороны США адмирал Джеймс Винсент Форрестел выбросился из окна шестнадцатого этажа военного госпиталя в Вашингтоне. Последние два десятилетия подобные вопли слышатся отовсюду. После долгой разлуки с внешним миром наши соотечественники добрались даже до самых укромных уголков земного шара. Спрятаться, скрыться от жителей бывшего СССР сегодня совершенно невозможно. Ну разве что попробовать посадить в кутузку, как совладельца «Норильского никеля» Михаила Прохорова, или же просто выслать из страны, как это уже случилось с сотнями и даже тысячами наших сограждан.

Русские обладают редкой способностью проникать всюду – на самые охраняемые курорты, в места отдыха голливудских и прочих знаменитостей, на частные территории, чуть ли не в королевские и президентские резиденции. Вопрос состоит лишь в количестве денег и степени наглости. Помните один из анекдотов середины девяностых? «Новый русский» в Лондоне зашел в фешенебельный часовой магазин. Как солидному покупателю ему тут же предоставили русскоговорящего продавца, который и стал предлагать ему часы. «Обратите внимание на эту „Омегу». С ней вы будете как Джеймс Бонд!» – «Это кто такой? Ваш разведчик какой-то? Да на хрен он мне нужен!» – «А вот новая модель „Ролекса» с бриллиантами...» – «Да у моего тестя на каждой руке по два таких!» – «А вот этот золотой „Патек Филипп», который королева в свое время подарила Принцу Чарльзу. Очень редкие часы». – «Да у вас тут что, комиссия, что ли? А ну-ка отойди. Вон там на плакате часики вроде ничего...» – «Но, сэр, это ведь Биг Бен! Это историческая реликвия. Они – часть здания». – «Значит, с нагрузкой продаем? Сколько за все?» После долгих консультаций продавец объявляет цену – в несколько миллиардов фунтов. «Как тут у вас говорят, – пожимает плечами „новый русский». – О'кей, что ли? В общем, счет в мой банк, часики выковырять и в Барвиху, ко мне на дачу, а сарайчик я пацанам под склад сдам...» Конечно, анекдот несколько гипертрофирует (какое красивое слово я употребил!) похождения наших нуворишей (еще одно!), но что-то от лихих девяностых в нем есть.

А к чему далеко ходить? В Таиланде на острове Пхукет находится самый шикарный в стране гостиничный комплекс «Аман пури», которым, как говорят, владеет королевская семья. Скорее, это даже не отель, а конгломерат роскошных вилл, расположенных на больших участках земли. Живут и отдыхают там обычно люди непростые: Шон Коннери, Мадонна, Дэвид Бэкхэм... Понятное дело, что все вокруг – частная собственность, в том числе и пляж, везде охрана... И как-то раз в местные территориальные воды зашла роскошная, даже по понятиям местных знаменитостей, яхта и бросила якорь прямо напротив пляжа. Спущенный на воду моторный катер поплыл прямо к берегу. Обалдевшие охранники и менеджеры гурьбой ринулись к «десантникам» и наперебой принялись объяснять им, что это – частная территория, что здесь посторонним без приглашения хозяев даже купаться запрещено. «Десант» же, состоявший из нескольких серьезных мужчин и десятка девушек модельной внешности и различных цветов кожи, пару минут внимал взволнованным тайцам, после чего самый серьезный из непрошенных гостей через переводчика потребовал «главного». Появившийся главный управляющий не успел даже и заикнуться о том, что чего-то там нельзя, как услышал (правда, в переводе) следующую тираду: «Мы тут типа с пацанами отдохнем денька три, покупаемся. Что до расходов, то, думаю, этого хватит...» После

щелчка пальцами совершенно деморализованному управляющему был предъявлен кейс, набитый пачками американских долларов. Говорят, что там было несколько сотен тысяч у. е. Чтобы уладить формальности, провели короткие переговоры, и стороны пришли к консенсусу. Единственное, что волновало тайскую сторону, – это возможность проживающим на виллах отдыхать без помех, что и было обещано. Со всего побережья собрали русскоговорящих гидов, чтобы, с одной стороны, услужить «новым боссам», а с другой, при случае предостеречь их от противозаконных действий. Три дня весь комплекс гулял, не засыпая и не просыхая. Прямо на пляже установили аппаратуру, которая, как говорят, не уступала той, на которой работают «Роллинг Стоунз», группы меняли одна другую – в общем, было весело. Приезжие сообщили, что на эти дни все счета проживающих в отеле они оплатят по мере поступления. Ну а на халяву, как говорили классики, «пьют и трезвенники, и язвенники». Утверждали, что уже вечером второго дня на берегу видели одинокого пьяньего Бэксема, бормотавшего себе под нос что-то вроде: «Меньше надо пить! Пить меньше надо!»

Парадокс, но сегодня россияне, желающие нормально, спокойно и цивилизованно отдохнуть, ищут места, где российский массовый туризм еще в полной мере не развит. Это – относительно дорогая Европа, далекая Латинская Америка, штатовские Гавайи, различные частные закрытые территории. Но и тут избежать общения с соотечественниками не удастся. Павел Николаевич Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», обычно делит отдых на две части: охоту и спокойное семейное времяпрепровождение. Уже несколько лет он арендует уединенную виллу на Корсике, подъезд к которой с берега затруднен природным рельефом и местной полицией. Перед виллой простирается небольшая, но уютная бухточка, где Павел Николаевич с женой и дочками любит посидеть в шезлонге, а то и искупаться. И вот как-то раз, как он рассказывал, прямо по уже описанному нами сценарию, в бухту втиснулась океанская яхта. С трапа прямо в воду спустился плотный мужчина и поплыл к берегу, но каким-то странным стилем – как народный герой Чапаев, гребя лишь одной рукой. Когда он приблизился, выяснилось, что второй рукой он прижимал к уху мобильный телефон. И зазвучал над корсиканскими водами великий и могучий! «Маша, да пошла ты на хер! Дурой быть не надо! А урода этого я приеду – утоплю!» – При этих словах пловец махнул рукой и закинул блеснувший золотом мобильник подальше в воду. А затем неторопливо развернулся и поплыл обратно к яхте. Краткое свидание с родиной для Павла Николаевича на этом, к счастью, закончилось.

Мне, как и многим жителям бывшего Союза, удалось побывать в разных странах. Причем первый раз я оказался за рубежом еще при Брежнев, более того, в эпоху «расцвета застоя», в 1976 году. Причем попал сразу в Италию, где насмотрелся на местные нравы, да к тому же еще привез джинсы, настоящие фирменные часы, журнал «Плейбой» – в общем, все, что было престижным и труднодоступным для обычных граждан в те времена. Ну, а с середины восьмидесятых пошло-поехало: Германия, Польша, Чехия, опять Германия, уже объединенная, Афганистан, Мозамбик, Лесото, Израиль, Соединенные Штаты, Вьетнам, Китай, Греция, ну и, конечно, Турция, Египет, Тунис, благословенный Таиланд и прочее, и прочее, и прочее... Ездил с «Машиной времени», с Кобзоном, с хором и оркестром, сольно, с другом Алексеичем,¹ с женой Ирой, в компаниях друзей. Насмотрелся всего разного, наслушался рассказов о том, чего самому попробовать и испытать не удалось. Вот и решил снова прорезать правду-матку – рассказать о наших соотечественниках и тех, кто их встречал за рубежом, без всяких рекламных штучек, без прогибов и всяких там эквивоков. И еще – не удивляйтесь, что одна глава короче или длиннее другой: как чувствовал, так и писал. Пусть не

¹ Алексей Алексеевич Богомолов. В прошлом – преподаватель, хоккеист, журналист «МК» и «Совершенно секретно», сейчас высокий чин на госслужбе. Знает и помнит все. Сильно помог «Машине времени», когда ее травили, а мне лично – когда я избавлялся от кокаина. – *Примеч. авт.*

смущает вас и то, что вы познакомитесь в этой книге как с известными людьми, так и с теми, о ком пока не слышали. Не понравится – не читайте о них. Но думаю, что любая из рассказанных мною историй достаточно поучительна, и каждый может найти для себя что-то интересное. А это ведь главное, не правда ли? Как говорится, книга эта рассчитана на широкий круг читателей: тех, кто уже был за рубежом, тех, кто туда собирается, и даже тех, кто никогда туда не поедет. Помните сюжет из бессмертной книги Александра Дюма-отца «Двадцать лет спустя», когда слуга Портоса, вернее, уже барона дю Валлона, де Брасье и де Пьерфона, по имени Мушкетон, рассказывал господину д'Артаньяну, зачем Портосу понадобился глобус? Если не помните, он был нужен для того, чтобы рассматривать те далекие страны, в которые Портос и Мушкетон никогда не поедут... Давайте же посмотрим на наш глобус моими глазами, глазами моих друзей, коллег и соратников и уж тогда решим, ехать нам с вами куда-то еще или нет. Интересно будет узнать, что вы решили. Если встретите меня где-нибудь в Нью-Йорке, Гамбурге или на Самуи, подходите за автографом смело. Только не забудьте пароль: «Русские идут!»

В стране дядюшки Хо

Путешествия начала девяностых годов – это совершенно отдельная тема. С появлением закона о въезде и выезде из СССР, а потом и России, десятки тысяч наших соотечественников ринулись на не исследованные ими просторы Европы и Азии. И если кто из молодых читателей подумает, что они делали это ради культурного отдыха, осмотра музеев и прочих достопримечательностей, то глубоко ошибется. Люди отправлялись «челночить». Вообще, в ходе своего повествования о «челноках» и их особенностях я буду вспоминать довольно часто, а сейчас отмечу лишь то, что ими, как правило, были люди, поначалу насобиравшие по друзьям и знакомым несколько сотен долларов и отправившиеся в Турцию, Польшу, Вьетнам или Китай покупать оптом ширпотреб. Самый неудобный транспорт, самые дешевые гостиницы, скудная еда – но зато после поездки можно было не только раздать долги, но и получить прибыль в 100–300 процентов. Я, конечно, не специалист в микро– и макроэкономике, но могу сказать, что получался такой навар благодаря совершенной «товарной пустоте» в наших магазинах, особенно торговавших одеждой и бытовой техникой.

Вот «челноки» и принялись эту пустоту исправно заполнять.

Мой друг Алексеич, работавший в 1992 году в «Московском комсомольце», к разряду «челноков», естественно, не относился. Но по прихоти начальства в качестве премии за успешную работу он получил путевку во Вьетнам. Тогда эта страна была мечтой многих торговцев и не только их. Мечтой, часто несбыточной, поскольку один перелет во Вьетнам стоил около тысячи долларов, что в те времена было очень много. К примеру, пяти-шестилетний «нисан» или «тойоту» тогда можно было привезти примерно за те же деньги, поскольку в Японии эти машины стоили долларов по пятьсот. Так что отправлялись во Вьетнам «челноки» со стажем. В их тесную компанию и попал Алексеич. Я же, прослышав от своего друга о волшебной стране желтолицых братьев по разуму, в последний момент решил присоединиться к турне. Заплатил кровные полторы штуки «зеленых» и в назначенный час уже попивал виски в Шереметьевском дьюти фри.

Это сейчас самолеты в Юго-Восточную Азию летают быстро, а в те времена путь от Москвы до города Хо-Ши-Мин, бывшего Сайгона, занимал примерно сутки. Первой «станцией» на пути к Вьетнаму оказался Ташкент. Всех пассажиров высадили из «Ил-86» и отправили в здание аэровокзала, который представлял из себя обычный совковый аэропорт, разделенный стеклянными перегородками на несколько крупных отсеков. В каждом из них находилось по несколько сотен человек. Нас очень удивили странные люди в соседнем «накопителе». Это были мужчины, все как один обритые наголо и бородатые. Глядя на них, можно было подумать, что они только что вышли из парилки, поскольку единственной одеждой у них оказалось что-то вроде белых простыней. Мужчины сидели или лежали прямо на полу и, по-видимому, чувствовали себя при этом весьма комфортно. Мой пытливый друг довольно быстро выяснил, что эти странные, на наш взгляд, люди – паломники, собравшиеся в хадж, то бишь в святую для всех мусульман Мекку. Народ этот был очень спокойный, можно сказать, душевный и совершенно не обращал никакого внимания на «челноков», глазевших на столь необычную группу товарищей. Через полчаса, словно повинувшись какой-то команде, все эти люди в простынях встали и гуськом направились к выходу, видимо, на посадку в самолет. Кто-то из наших соотечественников задумчиво сказал: «Да, багажа-то у них нет, в руках ничего не видно, из одежды – одни простыни. Интересно, куда они деньги-то прячут...»

Второй остановкой был пакистанский город Карачи. Учитывая напряженные отношения между Россией и этой страной, пассажиров вообще не выпускали из самолета. Да и

обстановка на летном поле оказалась приближенной к боевой. Постоянно проезжали открытые джипы с вооруженными автоматами людьми, вдалеке виднелся бронетранспортер. Через час-полтора лайнер покинул негостеприимную землю Пакистана и взял курс на Индию. Загруженную в самолет местную еду, которой стюардессы пытались кормить народ, никто есть не стал. Даже Алексеич, известный гурман, потыкав пластиковой вилкой зеленоватый кусок рыбы, отказался от такой пищи. Я же лишь выпил сто пятьдесят водки и закусил пряником, который лежал у меня в кармане сумки года, наверное, два. Зубы не сломал, с диареей не познакомился – пакистанский барьер был пройден нормально.

Индийский город Калькутта, вернее, аэропорт этого города, оказал на пассажиров весьма сильное впечатление. Достаточно сказать, что за время пятисотметровой прогулки от самолета до здания аэровокзала человека три-четыре, в основном, женщины в возрасте, упали в обморок. Сойдя на индийскую землю, наши граждане ощутили явную нехватку воздуха. Несмотря на темное время суток, температура была градусов 30–35, а влажность – примерно как в русской бане. Так что «накопитель» с кондиционированным воздухом показался истинным раем. Кстати, как и в Карачи, на летном поле находилось полно вооруженных людей. Правда, вооружены они были винтовками начала XX века – как утверждал Алексеич, чуть ли не легендарными «Ли Эндфилд». Любопытное зрелище представлял из себя местный дьюти фри. В нем оказалось множество товаров местного производства, ни один из которых не мог привлечь внимания цивилизованного человека: какие-то тряпочки, железочки, индийские варианты рома и виски, стоившие раза в три дороже, чем в Москве. В общем, купив за три доллара банку «кока-колы», разбавленной водой раза в два, мы с Алексеичем поняли, что в Индии нам делать нечего, если только не захотим радикально похудеть. Зато мой коллега по несчастью пообщался с индийским полицейским, который спросил по-английски: «Друг мой, а нет ли у тебя видеомэгафона на продажу?» Мы в свое время заметили, что один из «челноков» зачем-то притащил с собой в аэропорт купленный в Москве «Панасоник», и направили страждущего общения с видеокulturой индуса к нему. Оказалось, что в Индии видеомэгафон – большая ценность и стоит в полтора раза дороже, чем в Москве, долларов шестьсот. Индус долго ходил вокруг вожделенного прибора, говоря, что у него есть только пятьсот, но потом выяснил, что в специальном талончике, выдававшемся каждому пассажиру, у «челнока» поставлена отметка о том, что тот обязан вернуться в самолет вместе с видео, и утерять интерес к красивой коробке с заманчивой надписью VHS.

Последней остановкой на пути был Ханой – столица Вьетнама. Местный аэропорт оказался самым скромным из мной увиденных и представлял из себя лишь небольшой павильончик без всяких изысков, хорошо, что хоть со скамейками. Примерно как «Внуково-2», только раза в два меньше. Из него можно было спокойно выйти на летное поле и погулять, правда, в небольшой зоне перед фасадной частью. Неожиданно Алексеич заметил, что к зданию подруливает только что приземлившийся огромный американский военно-транспортный самолет типа «Геркулеса». Из гигантской машины выбрались с десятков американских военных чинов и примерно столько же морских пехотинцев в военной форме и белых перчатках. Вообще-то, учитывая отсутствие дипломатических отношений между двумя странами, такой визит военного самолета показался нам очень странным. Тем более что на летное поле выехали несколько машин с вьетнамскими военными, которые довольно дружелюбно приветствовали американцев. Из грузовика, что сопровождали машины, были выгружены оранжевые контейнеры, которые американские солдаты торжественно приняли, накрыли государственными флагами и понесли в «Геркулес». Высшие чины расписались в каких-то бумагах, еще раз отдали честь друг другу, и вьетнамцы уехали. А американцы отправились в здание аэропорта – ждать, пока дадут сигнал на вылет. Мы тут же спросили у пожилого американского полковника, чем вызвано такое потепление отношений между США и Вьет-

намом, на что тот ответил, что никакого потепления нет. «Это мы своих забираем», – пояснил он. Ну, тут уж даже нам стало понятно, что вьетнамцы передавали бывшим противникам останки погибших американских солдат. Судя по количеству контейнеров, их было довольно много. На этой грустной ноте мой рассказ о Ханое заканчивается. Через полчаса «Геркулес» взял курс на Штаты, а наш аэрофлотовский «Ил-86» – на Хо-Ши-Мин. Кстати, в пути нас очень вкусно покормили восточной едой, адаптированной под европейские желудки.

Хо-Ши-Мин раньше назывался Сайгоном, и многие вьетнамцы даже спустя двадцать лет после его переименования звали его именно так. Даже продавались значки со старым названием и майки с надписью Hard Rock Cafe Saigon, хотя никакого «Хард-рок кафе» там по определению быть не могло, хотя бы из-за отсутствия дипломатических отношений между Вьетнамом и Штатами. Правда, когда дело касалось денег, всякая политика отходила на второй план. Поэтому повсюду продавались майки с американским флагом и портретами президентов, джинсы, сделанные «под Америку», всякая US-символика... А что касалось доллара, то он вообще был валютой номер один.

Из аэропорта всю «челночную» команду нужно было доставить в город Вунгтау – курорт на берегу океана. Его особенность – то, что в течение многих лет там находилась военная база: до 1944 года – французская, а потом почти тридцать лет – американская. Так что кровей у местного населения намешано немало, особенно если учесть многорасовый характер американских войск. Наилучшим образом это почему-то проявлялось у женщин. Можно было встретить даму с черной кожей, раскосыми глазами и ростом под два метра, в то время как обыкновенно вьетнамки – ростом сантиметров 120–130. Попадались женщины с европейскими чертами лица, с явно угадывающейся индейской кровью, даже похожие на наших соотечественниц. Но это уже, видимо, следствие дислокации в Вунгтау российской нефтедобывающей компании. Забегая вперед, скажу, что располагалась она в месте, которое местные граждане почему-то называли «Голливуд». В общем, посмотреть там было на кого, и не только посмотреть. Но обо всем по порядку.

Автобус с туристами находился в пути уже часа полтора, как вдруг водитель решил сделать остановку в очередном населенном пункте. Опытные «челноки» остались сидеть на своих местах, а вот тех, кто вышел из автобуса, тут же окружили невесть откуда взявшиеся многочисленные вьетнамские дети, требовавшие дать им хоть что-нибудь. Жвачка, конфеты, какая-то мелочь – все это быстро исчезало в грязных ручонках наследников дядюшки Хо. С трудом вырвавшись из объятий местного подрастающего поколения, наши граждане забрались обратно в автобус, а детишки стучали в окна, подпрыгивали – в общем, всячески напоминали о своем существовании. Для одного из них это существование закончилось через пару минут. Когда автобус тронулся, малец лет пяти упал под заднее колесо и тут же был раздавлен. Самое интересное, что вся процедура расследования продолжалась не более четверти часа. Вьетнамцы довольно тихо стояли вокруг покойного, не оказывая ему никакого уважения. Они деловито о чем-то говорили, но похоже, без особых эмоций. Один из них пнул большим пальцем босой ноги растекшиеся по асфальту мозги. Другой за ногу оттащил маленький трупик на обочину. Пришла мама ребенка, немного поплакала, но без особого энтузиазма. Затем явился товарищ в форме военного образца, который сделал запись в ученической тетради в клеточку, похоже, советского производства, и махнул водителю: «Езжай, мол». Россияне в автобусе всю дорогу до Вунгтау молчали, изредка высказывая удивление странной реакцией вьетнамцев на событие. Только потом русскоязычный гид с собачьим именем Лай объяснил, что один из основных религиозных принципов у вьетнамцев – это «бог дал, бог взял», и что они искренне верят в то, что когда тебя «возьмут», то тебе будет гораздо лучше. Потому и не убиваются понапрасну, коль такая или какая иная трагедия случится.

Расселили народ во вполне приличной, особенно по тем временам, гостинице «Палас», состоявшей из двух корпусов: жилого и административно-развлекательного. Корпуса эти соединялись переходом, который одной стороной был обращен к улице, а другой – ко внутреннему дворику с окультуренной растительностью. От улицы, понятное дело, переход отделяла мощная решетка из металлических прутьев с заостренными концами. Номера оказались большими и удобными, с телевизорами (японскими), показывавшими пару-тройку программ на непонятных языках, а также кондиционерами. У Алексеича в номере стоял «кондишн» американской фирмы White Westinghouse 1968 года выпуска. Скорее всего, он достался вьетнамцам как трофей при отступлении американцев. Но работал исправно. Еще из техники в номере были японский холодильник, в который каждый день горничная ставила две бутылки кипяченой воды. Другую пить не рекомендовалось.

Прикольно то, что май во Вьетнаме – самое жаркое время года, и температура в тени зашкаливает серьезно за сорок. Так что бедным «челнокам» таскаться по рынкам с огромными баулами было очень тяжело. А проводили они там практически все время, приезжая в отель лишь для принятия пищи. Кстати, пища оказалась вполне здоровой: овощные супчики, морская живность, что-то вроде курицы и разные фрукты. Последние стоили крайне дешево, впрочем, как и почти все остальное. На доллар можно было приобрести штук пять ананасов. Если платить не хотелось, отойди от пляжа на сотню метров, туда, где начинались джунгли, – и вот они, халявные плоды... Кстати, загорать и купаться нормальным образом в такую погоду оказалось невозможно. Представьте себе океанскую воду, нагретую градусов до сорока, и подумайте, хотелось бы вам в ней плескаться... Поэтому все сидели под специальными здоровенными зонтиками в шезлонгах или лежали под ними на песке. Торговцы это делали только в выходной, а мы с Алексеичем – по мере желания. Даже на мелководье купаться было не очень приятно. Я-то хоть пытался какое-то время проводить в воде, а Алексеич сидел себе в шезлонге (тогда он в него еще помещался), попил холодный напиток «7 Up», о котором россияне в то время и не слышали, время от времени плескал на себя из стоявшего рядом тазика, наполненного водой со льдом, – вот и все удовольствие. Еще можно было подзвать вьетнамца с лотком, на котором (тоже во льду) шевелилась разная морская живность, указать на понравившийся тебе моллюск или ракообразное и минут через десять получить его в только что изжаренном виде. Любопытно, что все банки с напитками были, судя по маркировке, изготовлены в Сингапуре, причем на каком-то древнем заводе, поскольку при дергании за колечко вместе с ним отрывался и треугольничек с острыми краями. Поэтому на пляже всегда приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на такую железку и не порезаться. В Штатах, если мне не изменяет память, банки с «неотрываемой» крышечкой появились где-то в середине шестидесятых.

Кстати, со льдом у вьетнамцев никогда проблем не было. Даже в деревушках по пути следования автобуса находились какие-нибудь точки общепита, в которых стояли древние генераторы для производства льда. Вьетнамцы замораживали огромные «шпалы», весом килограммов по пятьдесят, от которых специальной пикой, вроде той, которую использовала Шарон Стоун в «Основном инстинкте», откалывали куски нужного объема. В городах генераторы стояли повсюду, в любом продовольственном магазине, кафе и даже уличных киосках. Некоторые были французские, времен Второй мировой войны, другие – американские, а наиболее «свежие» – японские. Япония вообще, пользуясь своей географической близостью, проводила во Вьетнаме активную экспансию. Например, многочисленные мопеды, которыми пользовалось местное население, носили название «Хонда», несмотря на то, что на них зачастую было написано «Ямаха» или «Кавасаки». Спрашиваешь, например, вьетнамца, разъезжающего на «Ямахе», как его транспорт называется, а он тебе и говорит: «Хонда». Прямо как у Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона написано „буйвол“, не верь глазам своим». Даже на обочинах дорог, где продавали канистры, канисточки и банки с бензином,

у каждой «точки» висел от руки написанный плакат «Хонда». Это слово так же прочно вошло в жизнь вьетнамцев как определение мопеда, как у нас «ксерокс» – как определение копировального аппарата, а у чехов «рифлы» – как определение джинсов.

В те времена во Вьетнаме автомобильный транспорт был редкостью. Основу, как мы уже упоминали, составляли мопеды, затем шли велосипеды и велотележки разных модификаций, грузовые и легковые. И при всей кажущейся хрупкости эти тележки выдерживали стопятидесятикилограммового Алексеича. Более того, его вез вьетнамец-рикша, который и сам-то весил раза в четыре меньше. И вез без малого километров пять до хорошего пляжа, а потом и обратно. Между прочим, всего за доллар.

Провинциальный вьетнамский рынок начала девяностых годов выглядел очень похожим на начавшие появляться тогда российские вещевые рынки. Вот только товары там были в несколько раз дешевле. Дороже, чем в России, там оказалась только аудио-, видеотехника. Тот тверской «челнок», купивший в Шереметьевском дьюти фри недорогой видеоманитфон «Панасоник», успешно сбыв его на вьетнамском рынке, получив примерно 30 процентов навару. А закупались там для продажи в основном тряпки: от нижнего белья до зимних курток. Платья стоили по 20 долларов за десяток, мужские летние брюки примерно столько же, джинсы – по 5-10 долларов, в зависимости от качества. Всякие полудрагоценные камни шли чуть ли не на вес. Интересно было изучать огромный развал наручных часов. Там присутствовало все: от явных подделок за 5-10 долларов до абсолютно идентичных натуральным «Сейко» и «Ориентов». Не знаю, каким образом они попадали во Вьетнам, может, это была какая-то «некондиция» из Японии, но часы, имевшие в большинстве случаев какой-то маленький, почти не видимый дефект – царапинку на краю стекла, плохо застегивающийся браслет... – оказывались вполне приличного качества. Алексеич купил себе «Ориент Колледж» – огромную «гайку» с вишневым циферблатом, светящимися цифрами и стрелками и надежной механикой за 45 долларов. Носил он часы лет десять, причем неоднократно они падали, в том числе и в воду, но механизм работал исправно.

Зная Алексеича, скажу, что он терпеть не может торговаться, поэтому «челнока» из него никогда бы не получилось. Хотя для того чтобы купить всем родственникам обоюго пола многочисленные обновки, он просто подходил к прилавку, спрашивал, сколько стоит, скажем, пять пар джинсов разного размера, а затем на предложение заплатить 50 долларов, говорил: «Тридцать». И обычно вьетнамцы сразу соглашались, что было удивительно, поскольку наши «челноки» для того, чтобы скинуть «двадцатку», уговаривали их часа два. Правда, удивление прошло довольно быстро, и вот почему.

Расхаживая по дикой жаре в толпе мелких вьетнамцев, наш большой друг выглядел примерно как Гулливер в стране лилипутов. Через некоторое время он заметил, что пользуется каким-то странным вниманием. Приблизившиеся к Алексеичу на расстояние вытянутой руки местные жители норовили коснуться его, после чего стыдливо отдергивали руку и улыбались. Сначала он думал, что стал мишенью для какого-то неведомого общества гомосексуалистов-вьетнамцев, но потом заметил, что и женщины, причем совершенно разного возраста, тоже стремятся до него дотронуться. После этого они, хихикая, отскакивали в сторону. Вечером гид объяснил Алексеичу, что в стремлении местного населения прикоснуться к прекрасному (к нему, то есть) нет ничего необычного. Религиозные убеждения предписывают при виде большого человека дотронуться до него, чтобы ощутить снисхождение благодати, которую тот, несомненно, олицетворяет. Алексеич успокоился и даже немного возгордился, поскольку стал чувствовать свою особую миссию в среде вьетнамцев. Я, хотя и был в то время немаленьких размеров, пользовался вниманием местных жителей только в отсутствие моего друга. Меня тоже норовили коснуться. Один раз я даже в ответ ухватил симпатичную вьетнамку за руку и притянул к себе поближе. Она, похоже, не возражала,

выражая свои эмоции сдавленным хихиканьем, но при этом густо покраснела – настолько густо, насколько ей позволял общий желтоватый цвет лица. Кстати, о цвете лица. В последние годы у местных женщин иметь лицо желтого, а тем более загорелого вида – это моветон. Поэтому они все поголовно пользуются отбеливающими кремами и жидкостями, а чтобы не загореть, надевают специальные маски на манер тех, что в Японии носят при эпидемиях гриппа. Очень занятно видеть огромную толпу «медсестер», едущих по своим делам, но уже не на мопедах, как раньше, а на мотороллерах и прочих байках.

Другим предметом зависти местных мужчин и поклонения женщин была, как ни удивительно, борода. Дело в том, что у аборигенов она, как правило, не растет – зачем им, собственно, борода в таком жарком климате? Но ее наличие – это символ мужской силы и достоинства. Например, у дядюшки Хо Ши Мина бородка была вполне приличных размеров, что, несомненно, сказалось на его популярности в стране. Так что Алексеич являлся для вьетнамцев своего рода символом здоровья, успеха, высокой нравственности и еще черт знает чего. А мне с моей скудной растительностью на лице доставались лишь отблески славы моего большого друга.

Доходило и до курьезов. Шел как-то раз наш гигант по пыльной улице Вунгтау, думая о чем-то своем, как вдруг краем глаза заметил движущийся в попутном направлении мопед, естественно, «Хонду». На нем сидели две молоденькие симпатичные вьетnamки, которые, похоже, собрались куда-то в гости. Об их намерениях свидетельствовало то, что обе были аккуратно причесаны, красиво покрашены и даже одеты в белые перчатки до локтя, что считалось во Вьетнаме особым шиком. Так вот, по мере движения мимо Алексеича их головы, видимо, подчиняясь могучему инстинкту, поворачивались, поворачивались... Через две секунды, не справившись с управлением и обилием нахлынувших чувств, обе барышни вместе с «Хондой» рухнули на асфальт. А когда галантный Алексеич подошел к ним, чтобы помочь подняться, одна вообще чуть не упала в обморок. Не знаю уж от чего – от сознания близости божественного начала или от последствий ДТП.

Коль уж я вспомнил о вьетнамках... В начале девяностых все вьетнамские женщины соответствующего возраста, проживавшие в курортных местах и не работавшие в торгово-гостиничной сфере, занимались проституцией, по большей части профессионально. Даже наличие супружеских уз не останавливало их стремления заработать с помощью древнейшей профессии. Ну а поскольку девушки, как мы уже упоминали, были в Вунгтау на любой вкус и стоило все удовольствие совсем недорого, то наличие в городе многочисленных секс-туристов оказывалось неудивительным. Это сейчас они валят куда-нибудь в Таиланд, а тогда во Вьетнаме были такие демпинговые цены, что с ними не мог бороться никто. Чтобы сейчас стало понятно, кто был кто и что было что, приведу полный прайс-лист на май 1992 года.

В самом низу находились «пляжные девочки». К отдыхавшему в шезлонге на берегу океана туристу подходил сутенер и, приветливо улыбаясь, показывал ему веер из полароидных фотографий местных девиц в призывных позах и с минимумом одежды, а то и без таковой вообще. После того как «барин» выбирал ту или иную девицу, сутенер уходил куда-то за деревья, а потом приводил ее, чтобы показать товар лицом. Если на свет появлялся продукт непротивления двух сторон, то есть согласие, сутенер получал два или три доллара и оставался стеречь вещи. Секс-турист же с барышней, у которой под мышкой была циновка, а в кармане шортов презерватив, отправлялся за ближайшие кусты, где, собственно, любовное таинство и происходило. А за четыре доллара можно было получить в аренду «Хонду» и отъехать с дамой в более живописное место. При этом время в общем-то не лимитировалось. Впрочем, больше двух часов даже привычные уроженцы южных республик не выдер-

живали. Попробуйте заняться сексом при сорокапятиградусной жаре и палящем солнце – посмотрим, сколько вы продержитесь...

Следующим номером оказывались уличные и пригостиничные девицы. Любой рикша мог за несколько центов показать, где кучкуются проститутки, и даже договориться о цене и месте встречи. Обычная цена была пять долларов, а происходил весь процесс в каком-нибудь домике между пляжем и городом. Пригостиничных девиц (тоже по пять долларов) можно было привести в административно-развлекательный комплекс гостиницы, посидеть с ними в баре, а затем ощутить прелести орального секса в каком-нибудь укромном темном уголке, казалось, специально для подобных занятий и предназначенном. При данном виде общения презервативы не считались обязательными. Кстати, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из наших секс-туристов подхватил во Вьетнаме дурную болезнь. Всех пугали страшной «сайгонской розой», которая якобы раздувала мужское достоинство заразившегося до серьезных величин и делала его ярко-красным. Здесь не могу удержаться от того, чтобы вспомнить замечательную историю о великом русском художнике конца двадцатого века Алексее Меринове. Сразу оговорюсь, я лично ничего такого не видел, но вот коллеги по «МК» утверждают, что как-то раз в общем-то высоконравственный деятель искусства был завлечен в подпольный фешенебельный публичный дом в одном из старых московских особняков. Он даже было приготовился поучаствовать в общем разврате, как увидел холодную как лед бутылку «Абсолюта». И пока друзья предавались блуду, Меринов принял литр под легкую закуску. До огромного ложа, где его тщетно ждала полураздетая красавица, он так и не добрался, прикорнув на диванчике, после чего был отконвоирован домой. И вот, лишь улегшись спать, художник (с кем не бывает) почувствовал настоятельную необходимость посетить укромное заведение с белым фаянсовым другом в центре. Для тех, кто не понял, он решил пойти пописать. Не в том смысле, чтобы сваять какое-нибудь произведение, а в смысле опорожнить (извините за натурализм) мочевого пузыря. И вот в процессе этого действия он с ужасом заметил, что кончик его, извините за тавтологию, кончика начинает краснеть и раздуваться, причем прямо на глазах. Вся жизнь пролетела за несколько секунд в голове великого графика. И «сайгонская роза» ему вспомнилась, идеально подходящая по симптомам, и старушка мама, убеждавшая его предохраняться, и загубленная семейная жизнь. Он уже думал громогласно позвать тихо спавшую в комнате жену Машу, чтобы та позвонила в «скорую», как вдруг обнаружил, что ужасное красное уродство постепенно стало сползать вниз, а потом оторвалось и, подняв сонм брызг, плюхнулось в унитаз. Только тут Меринов понял, как он оказался прав, когда не стал звать жену, и как была права мама, уговаривая его пользоваться презервативом, и как неправ был он сам, забыв этот самый презерватив снять.

Но вернемся к нашим вьетнамцам, вернее, вьетнамкам. Массажные салоны у них подразделялись на те, которые были «с услугами», и без таковых. Обычно массаж стоил семь долларов в час. Объект приложения рук полностью раздевался, принимал душ, минут пять-семь прогревался в парилке и укладывался на огромный сексодром. Затем массажистка, обычно для удобства раздевшись до пояса, начинала делать массаж вроде тайского, то есть гнула, выламывала, вытягивала и прижимала все суставы и мышцы. Чтобы промассировать огромного Алексеича, шустряка, но маленькая вьетнамка с верещанием то давила на него локтем, то упиралась руками и переносила на них весь свой небольшой вес, то изо всей силы тянула пальцы, так что аж суставы щелкали. Удивительно, но при всей очевидной болезненности подобных манипуляций после окончания массажа в теле чувствовалась легкость, а синяков и прочих следов не оставалось. Это был, что называется, «массаж без услуг». Те, кто хотел присоединить к процедуре оральные «услуги», должны были доплатить еще три доллара. В этом случае удовольствие продлевалось еще на полчаса.

Самой высокооплачиваемой и привилегированной кастой являлись гостиничные проститутки. Обычно они сидели в баре и с удовольствием обслуживали клиентов у них в номерах за семь-восемь долларов в час. Южные маньяки, бывало, забирали за двадцатку пару вьетнамок и общались с ними всю ночь. А элиту местных жриц любви составляли по-настоящему красивые девушки, примерно такого плана, как фотомодели, снимавшиеся для японских настенных календарей. С ними можно было пообщаться не менее чем за десятку, причем они разговаривали не только на вьетнамском, но и на английском и даже русском. Самая высокая цена, судя по рассказам специалистов, была пятнадцать долларов и платилась лишь в исключительных случаях.

В то время существовали очень строгие, практически непреодолимые правила, в соответствии с которыми каждая группа проституток могла работать только по своему профилю и месту деятельности. Например, провести в гостиницу кого-нибудь из «уличных» или «пляжных» было невозможно. Один московский армянин пытался уговорить портье – седого благообразного вьетнамца лет шестидесяти – пропустить к нему очень красивую даму с улицы. Он тряс перед ним пятидесятидолларовой купюрой, которая равнялась примерно полугодовой зарплате несчастного старика, но тот был непреклонен. Даже заплакал, от бессилия, но все равно не пустил парочку в отель. И правильно сделал: если бы пустил, его бы сразу уволили, а охотников на такое место в городе нашлось бы предостаточно. Кстати, во время следующей поездки этот армянин нашел свою пассию, сделал ей визу и вывез в Москву. Даже женился на ней. Интересно было бы посмотреть, какие у них получились дети...

Во Вьетнаме Алексеич сумел доказать, что европейский ум способен победить азиатскую хитрость. Когда армянин рассказал ему о своем несчастье, он поспорил с уроженцем печально известного Спитака и жителем Бирюлева, что сумеет провести уличную вьетнамку в гостиницу. За несколько дней Алексеич тщательно изучил обстановку. Поскольку вставал он рано, часов в восемь (после десяти из-за жары на улице делать было уже нечего), то имел возможность наблюдать с балкона жизнь отеля до подъема. Это и помогло ему в дальнейшем.

Прогуливаясь вместе с армянским коллегой по прибрежной улице, наш большой друг зашел в небольшую лавочку, чтобы купить себе диктофон. Торговала там юная особа, которая, увидев Алексеича, стала похожа на кролика перед удавом. Выяснилось, что она ни слова не знает по-русски, да и английский ее ограничивался двумя-тремя словами. Алексеич пальцем ткнул в микрокассетный «Сони», девица на калькуляторе показала, что стоит он сорок долларов, и сделка была совершена. Но вьетнамка вдруг встала на цыпочки, ухватила рукой за бороду Алексеича и, глядя ему в глаза, стала говорить: «Хотель, хотель...» Сначала подумалось, что она пытается говорить по-русски, но потом выяснилось, что интересуется ее место временного проживания божественного гиганта. Вот тут армянин и говорит: «Спорим на полтинник, что ты ее не сумеешь провести в гостиницу?» Алексеич, как истинный спортсмен, принял спор. Сказав девице, что живет в «Паласе», он увидел, что она тычет пальцем в циферблат его «Ориента». Показав на цифру семь, он оставил довольную продавщицу в лавке, забрал диктофон и пошел в отель обдумывать, как ему выиграть только что заключенное пари.

Валяясь на постели, он вспомнил, что рано утром каждый день видел молодого вьетнамца, который подходил с внутренней стороны решетки, отделявшей территорию гостиницы от улицы, доставал из кармана ключ, открывал небольшую калитку, а затем вытаскивал на тротуар несколько тюков с грязным бельем, которые тут же увозила одна из редких в городе машин. В отличие от меня, Алексеич уже научился отличать вьетнамцев друг от друга, поэтому после обеда отправился искать «ключника». Когда он его нашел, то обратился к нему со следующей триадой (работники отеля понимали английский): «Парень, я вижу, ты человек предприимчивый и работаешь что есть сил. (Офигительный комплимент!)»

Так вот, я предлагаю тебе один американский доллар в общем-то ни за что. Ровно в семь часов ты подойдешь к решетке и ключом, который лежит у тебя в кармане, откроешь на одну минуту ту калитку, которую ты открываешь каждое утро в восемь утра. За это получишь вот такую новенькую зеленую бумажку». И Алексеич потряс перед глазами вьетнамца долларовой купюрой. Тот мгновенно понял, что от него требуется, и ответил: «О'кей, масса!» Удовлетворенный Алексеич пошел на обед, а затем стал ждать вечера.

Ровно в семь часов началось прекрасно срежиссированное шоу для двух зрителей – меня, болевшего за Алексеича, и армянина, жаждавшего выиграть спор. Мы с ним стояли на балконе и наблюдали процесс во всех подробностях. С одной стороны решетки в нетерпении топталась девица, с другой – в ожидании хрустящего доллара, сжимая в кармане ключ, стоял, озираясь по сторонам, ответственный за грязное белье. Как настоящий белый человек, Алексеич неторопливо подошел к решетке, вьетнамец молниеносно открыл калитку, получил заветный гонорар. Принарядившаяся продавщица аудиотехники проскользнула внутрь, а наблюдавший за всем этим представитель армянской диаспоры понял, что лишился пятидесяти долларов.

Теперь девушка, оказавшаяся на территории гостиницы, была в полной безопасности и обладала своего рода неприкосновенностью. Если человек внутри – он гость, это правило соблюдалось железно. В планы нашего большого друга секс с восточными женщинами не входил, так что он повел удивленную вьетнамку не в номер, а в бар, где к ним присоединилась проигравшая спор сторона. Отдав полтинник и оплатив напитки для всех четверых, армянин сказал: «Брат, огромное тебе спасибо! Ты меня просто спас». А затем поведал удивленному Алексеичу, как долго он ломал голову над тем, чтобы привести свою любимую в гостиницу, как думал, во сколько сотен ему обойдется общение с ней. А тут простой и изящный, а главное дешевый способ избежать придуманных вьетнамцами иерархических препон и барьеров... Через часок раскрасневшаяся, но несколько разочарованная дама была отправлена домой, разбогатевший Алексеич пошел смотреть телевизор, а армянин отправился искать парня с ключом, чтобы заключить с ним постоянное соглашение о взаимовыгодном сотрудничестве. Кончилось все, как я уже упоминал, свадьбой...

Вьетнам в то время был одним из бастионов рушащейся коммунистической системы. Тем не менее для человека несведущего в этой стране почти ничто не указывало на наличие «самого прогрессивного в истории человечества строя». Не было видно почти никакой коммунистической символики, разве что изредка попадалась красная кумачовая растяжка с непонятными лозунгами на местном языке. Однажды Алексеич попросил гида перевести текст, и тот, как в советские времена, встал в позу и торжественно произнес: «Юноши и девушки, будьте верны заветам Хо Ши Мина!» Не знаю, как юноши, но девушки, по нашим наблюдениям, немного странно понимали заветы покойного вождя нации. Кстати, портреты вождя висели во всех государственных учреждениях и украшали этикетку 35-градусной рисовой водки, которая за это получила название «Хошиминка». За две недели отдыха людей в форме удалось увидеть всего дважды: первый раз – во время уже упоминавшегося дорожно-транспортного происшествия, когда автобус раздавил мальчишку, а второй – когда вдоль пляжа пыхтя проехал старинный «козлик» с тремя военными, вооруженными автоматами, скорее всего, пограничниками. А так Вьетнам выглядел очень похоже на все не очень богатые развивающиеся страны: фирменная и самодельная реклама, торговля всем подряд, кроме разве что наркотиков и оружия, неограниченная проституция и искреннее уважение к нашим гражданам, которое тогда еще не сумели подорвать тупые и жестокие российские «челноки».

Трудно сказать, почему самих вьетнамцев некоторые считают жестокими и склонными к правонарушениям. Преступность, как нам показалось, там просто отсутствовала. Можно было даже оставить что-нибудь на пляже, полотенце, к примеру, и с удивлением обнаружить

его через час повешенным на ручку своего гостиничного номера. Воровства, а тем более хулиганства и драк не наблюдалось вообще. Разве что наши пьяные граждане нарушали ночную тишину похабными песнями. А так все было спокойно. Может быть, только у нас в России вьетнамцы выясняли отношения с помощью ножей и другого холодного оружия, а у себя они оказались весьма тихими. Правда, говорят, последние пятнадцать лет не прошли для страны даром. Проституция попала под запрет, и теперь цены установились долларов в пятьдесят. При этом нужно еще найти «правильных людей», договориться, потом ехать чуть ли не с завязанными глазами куда-то за город (уже на машине) и там испытывать судьбу (это если без презерватива). Рынки несколько цивилизовались, цены подросли, появилась современная техника, ну и кривая преступности тоже, говорят, пошла вверх. Хотя наших там почему-то не трогают, как бы они ни чудили...

Город Хо-Ши-Мин, он же Сайгон, хотя и уступает по своему географическому положению и народонаселению крупнейшим городам мира, тем не менее самый крупный во Вьетнаме. Многие здания остались еще от колониальной эпохи и к началу девяностых годов уже стали реставрироваться. Было видно, что инвестиции, в том числе и со стороны крупнейших мировых фирм, присутствуют. Нам с Алесеичем в Сайгоне больше всего понравился отель «Ритц», а точнее крыша этого отеля. В то время как вся группа «челноков», которую на день вывезли в столицу Южного Вьетнама, металась по местным рынкам и магазинам, мы в компании пожилого бельгийца со скромным «Ролексом» на руке наслаждались прохладной водой в бассейне на крыше гостиницы. Тут же, рядом с бассейном, стояла небольшая палаточка, в которой седой вьетнамец торговал алкогольными и безалкогольными напитками. Алексеичу удалось выяснить, что он работал еще при американском присутствии. Алексеич спросил, почему продавца не расстреляли вьетконговцы как коллаборациониста, на что тот, немного подумав, ответил, что тогда пришлось бы расстреливать большинство населения, как это, кстати, сделали в соседней Камбодже.

Отдых в бассейне мы проводили следующим образом: Алексеич медленно проплывал пятнадцать метров, пристраивался у стеночки и, не торопясь, выпивал «полтинник» виски со льдом, поставленный на бортик услужливым официантом. Затем то же самое проделывал и я. Отдохнув минут десять, мы так же медленно плыли в другую сторону, где нас ждали стаканчики ледяного джина с лимончиком. Через несколько часов такого плавания выбраться из бассейна оказывалось уже трудно. Пришлось перейти на минералку. В общем, проплыв изрядную дистанцию и выпив по полулитра виски и джина, мы с моим большим другом чувствовали себя прекрасно.

Понаблюдать за городской жизнью сверху тоже было изрядным удовольствием. Дело в том, что «Ритц» находится на пересечении центральных магистралей Сайгона, причем довольно широких. На них даже стоят светофоры. Так вот, Алексеич увидел сверху следующую картину: по одной улице шел поток мопедов и великов, а на пересечении с ней дожидались зеленого сигнала светофора по полтысячи «Хонд». В их среду каким-то образом затесывалось по одной-две машины. И когда вся эта армада трогалась, это было нечто! Напоминало атаку стаи саранчи на колхозное поле. Затем то же самое происходило на другой дороге. Сейчас, говорят, и машин больше, и уже не старые советские «Жигули» и «Москвичи» бороздят просторы вьетнамских дорог, а различные «японки» и «корейнки». Вьетнамцы, как я уже упоминал, пересели на байки. Великов много только в провинции. А вот традиция по вечерам кататься кругами по городу осталась неизменной. Мы еще тогда выяснили, почему все население вечером выезжает на большую дорогу. Дело в том, что в обычных «некондиционированных» домах находиться в жару просто невозможно. Поэтому жители Сайгона и ездят себе до наступления вечерней прохлады. И так каждый день в жаркое время года. (Самый холодный месяц – январь со средней температурой + 25 по Цельсию.)

Дорога домой заняла у нас те же 24 часа, однако показалась гораздо короче. Хотя бы потому, что мы набрали в сайгонском дьюти фри шесть литровых бутылок виски по 10 долларов, а также две здоровенных банки консервированных ананасов. Кто не закусывал виски ананасами, тот, смею вас заверить, потерял очень много. В общем, мы с Алексеичем быстро вошли в цикл: взлетели, выпили, заснули, приземлились, проснулись, взлетели – и так до самого...

Москва встретила нас обычными для мая двадцатью градусами тепла, что после раскаленного Вьетнама показалось нам холодильником. И мы с моим другом задумались, поехать ли нам в эту бесспорно интересную страну еще раз или нет. Думаем до сих пор...

Курица – не птица...

Любой уважающий себя житель царской России тут же дополнил бы эту поговорку традиционным окончанием: «...а Польша – не заграница». Но последние лет девяносто наш (а теперь уже почти и не наш) западный сосед отходил от СССР, а потом и РФ, все дальше и дальше, словно с конца XVIII века Царство Польское и не было составляющей частью Российской Империи. Хотя в начале XVII века поляки сами воспринимали своего восточного соседа лишь как колонию и вместе с несознательными потомками викингов спалили Москву, но благодаря выдающимся личностям в лице Ивана Сусанина, князя Пожарского и гражданина Минина, в конце концов, были изгнаны прочь, прихватив, правда, изрядную долю западных российских земель. Но это так, для общего развития, ибо и в прошлом веке у нас было очень много занятых коллизий, которые до сих пор не дают нам жить как двум добрым соседям, хотя и с общей границей лишь в несколько десятков километров.

Сначала мы отомстили вероломным полякам, которые воспользовались неразберихой после Брестского мира и, как обычно, оттягали у нас часть Украины и Белоруссии. В 1920 году Тухачевский и Буденный даже дошли до Варшавы, положив при этом несколько десятков тысяч «панов», но потом отступили. Затем в 1940 году, обговорив детали с Гитлером, завершили процесс. Украинские и белорусские земли отошли к нам, а остальное – к бесноватому фюреру. При этом мы, естественно, расстреляли большинство офицеров, священников, государственных чиновников, а тех, кого не расстреляли, сослали в Сибирь. Помните замечательный фильм 60-х «Четыре танкиста и собака», снятый по книге Зигмунда Пшибановского? Лояльные Советам поляки, до того почему-то отправленные осваивать таежные просторы, храбро воюют бок о бок с русскими против фашистов. Так вот, сейчас в Польше этот фильм находится под строгим запретом как «антигосударственный» и «антиисторический». Выводы делайте сами. Оказывается, никакого Яна Коса, русской девушки Маруси и польской Лидки, силача Густлика и даже усатого грузина, не говоря уж о собаке Шарике, не было. А если и были, то вели они себя совсем по-другому: если и шли вперед, то лишь потому, что сзади них располагались заградительные отряды НКВД с пулеметами, которые при малейшей попытке отступить безжалостно косили всех подряд. А всяких танкистов-летчиков, воевавших в Войске Польском добровольно, современные поляки считают предателями Родины, сотрудничавшими с захватчиками. И ничего тут не попишешь: захватили мы часть Польши перед войной, а после нее – всю остальную и уподобились тем самым Адольфу. В общем, скажем честно, любить нас полякам особенно не за что. Да и нам всякая там «Солидарность» и гданьские восстания стояли поперек горла и мешали строить социалистический лагерь. Тем более что жили наши польские «братья» несколько свободнее, хотя и ужасающе бедно. Даже анекдот был на эту тему. Приезжает советский руководитель высокого ранга в Варшаву, ходит по улицам. Видит, водка продается свободно, джинсы – тоже, всякие там жвачки, сигареты... А в кино – Джеймс Бонд и даже «битлы»! Ну и на встрече с польскими товарищами начинает их укорять: «Что же вы так народ-то распустили? Битлы всякие, жвачки с джинсами, а лагерь-то у нас все-таки один – социалистический...» А поляки ему отвечают: «Пшепрошем пана, лагерь-то один, но у нас барак повеселее!»

Вот в этот «веселый барак» и решили выпустить «Машину времени» осенью 1986 года. В это время я в коллективе не работал, но соратники столько рассказывали о «волшебном таинственном путешествии», что не воспользоваться их воспоминаниями было бы просто грешно.

Итак, какого черта «Машине времени» понадобилось в Польше и почему ее туда послали – до сих пор неясно. Тупые чиновники Министерства культуры, по всей видимо-

сти, долго чесали репу, пытаясь понять, что представляет из себя фестиваль альтернативной музыки «Морковка-1986». Это сейчас любой пацан знает, что «альтернативщики» – это люди, которые не умеют ни петь, ни играть, ни танцевать, зато, как они сами считают, выражают некую «идею», понятную только им самим, а также родственникам и фанатам-наркоманам. Но приглашение от польской стороны было получено, и выездная комиссия Минкульта решила, что лучше всего с задачей не уронить достоинство отечественной эстрадной музыки, пусть даже и альтернативной, справится именно «Машина времени». Удивительно, но даже Макаревич, который, казалось бы, был весьма осведомлен о музыкальных течениях, не мог себе представить, что же это за «альтернативная музыка такая». Они с Кутиковым долго дискутировали и пришли, наконец, к выводу, что это некое «новое слово» в роке, и главное – нужно было чем-нибудь выпендриться, особенно тем, чего у других нет. А выпендриться чем было! В то время для придания программе пущей концептуальности и более яркого иллюстративного ряда в состав коллектива включили балет. Первый состав этого искрометного шоу состоял из одной «профессионалки» – Наташки Чичеровой по прозвищу Чича, которая до того долго-долго работала в Ансамбле эстрадного танца «Сувенир». С ней пришли еще три симпатичные девочки лет 18–20 от роду: Танька Бехтерева, Ольга Горелова и Надежда Колодыко. На сайте «Машины времени» Макаревич почему-то пишет фамилию последней как «Колотько», что в корне неверно. Алексеич, у которого память-то будет получше и который с этой танцовщицей дружил, знает точно. И я ему верю.

Этот состав поработал весну и лето, а потом его заменили на профессионалов и профессионалок из того же «Сувенира». Там, кстати, Сашка Зайцев, игравший в то время на клавишах, и присмотрел себе супругу, став одновременно отцом ребенка афроамериканского происхождения. И никто ему не сказал, как в фильме «Цирк»: «Петрович, у этой женщины черный ребенок, она жила с негром!» А может быть, «полковник» был истинным интернационалистом или ему, время от времени находившемуся под воздействием некоторых препаратов, все было по фигу. В общем, чужая душа – потемки...

Поспорив с недельку, Макаревич с Кутиковым решили, что они замечательно впишутся в среду альтернативщиков и если и не заработают поганых золотых, то, во всяком случае, шороху дадут точно. Как же они ошибались! Особенно в части намерения стать членами сообщества любителей альтернативностей. Но об этом речь еще впереди.

В то время никаких законов о «въезде-выезде из СССР» еще не было, так что для некоторых членов коллектива это оказалась вообще первая поездка за рубеж. Макаревич, правда, ездил в Польшу в 1979 году, но страну эту не любил. Во-первых, потому что терпеть не мог польскую эстраду в лице «Скальдов», «Червонных гитар», «Но То Цо» и даже хард-рокового «Брейкаута», во-вторых, потому что ныне покойный вероломный лях Мартин увел у него первую жену Ленку, а в-третьих – по той причине, что ему однажды в пивбаре с польским названием «Пльзень» дали в физиономию. Решил Андрей Вадимович демократично пойти по старой памяти выпить пивка в Парк культуры имени Горького. Подошел к нему здоровенный жлоб: «Ты, что ли, Макаревич?» – «Ну, я», – гордо ответил Макар, даже приосанившись. «Ну так получи!» И получил Макар по лицу, о чем потом сильно переживал и даже нанял охранника Сашу Иванчу, эксперта по восточным единоборствам.

Но вернемся к исторической поездке в Польскую Народную Республику. Несмотря на то что в рейтинге зарубежных государств, куда обычно выезжали наши граждане, она стояла весьма невысоко, где-то пониже ГДР и Румынии, но повыше Монголии и Вьетнама, спец-проверку, медицинскую и партийную комиссии артистам и иже с ними пришлось проходить по полной программе. Десятка полтора врачей изучали медицинские карточки каждого, мерили давление, проверяли зрение и слух, чтобы потом вынести вердикт: «Практически здоров». Так, Макаревич с его сколиозом, Зайцев с пристрастием к запрещенным стимуляторам, Кутиков с ларингофарингитом и директор Валера Голда с землистым цветом лица в

одно мгновение «выздоровели». Единственный, кто не боялся медкомиссии, был Валерка Ефремов, который оказался здоровее всех, чего я ему искренне желаю и сейчас.

А вот с парткомиссией дело обстояло посложнее. Этот институт придумали еще давным-давно, и он раньше назывался «Комиссией старых большевиков». К середине 80-х почти все они (а «старые» – это с дореволюционным стажем) вымерли, и судьбы жаждущих выехать за границу граждан решал кто не попадя. Схематично такая комиссия изображена в фильме «Мы из джаза», когда председатель «тройки» задает руководителю джаз-банды Склярю вопрос о том, когда было восстание Спартака. Тот же бойко и правильно отвечает, в результате чего выносится вердикт о том, что «данному коллективу можно работать на крупнейших площадках города». К сожалению, никто из артистов, а тем более административного и технического персонала группы, политической грамотностью не обладал и оказывался не в состоянии ответить даже на какой-нибудь самый элементарный вопрос для посоветски воспитанного человека. Макаревич сильно задумался, за день до комиссии позвонил Алексеичу, который, кроме всего прочего, еще и профессиональный историк, и попросил его прочитать для группы обзорную лекцию по текущей политике. Утром все собрались в небольшой пристройке к Театру Эстрады, где располагался «Росконцерт». Алексеич в течение почти трех часов вдалбливал в увлеченные «альтернативой» головы артистов основы политических знаний, заставляя их эти самые знания даже конспектировать. Язвительный Максим Капитановский с видом Павлика Морозова поднял руку и сообщил ему, что «ученик Макаревич не конспектирует, а рисует в тетрадке чертиков». На это мудрый Богомолов сказал, что у людей с абсолютным музыкальным слухом бывает способность запоминать не содержание лекции, а звуки, то есть отдельные слова и предложения. А затем они при случае могут их довольно близко к тексту повторить. Макаревич, как обычно в таких случаях, гордо оглядел собравшихся, а Кутиков, втайне считавший, что у него тоже идеальный музыкальный слух, но при этом прилежно записывавший лекцию, от обиды и из солидарности прекратил писать.

Простые и понятные уроки Алексеича усвоили не все. Бедный Валерка Ефремов, блестяще прошедший медкомиссию, от волнения перепутал съезды с пленумами и политически неграмотно назвал Горбачева первым секретарем ЦК вместо «генерального». За это его и костюмершу Таньку сначала отправили прочь. Но Макар и директор зашли в помещение, где проходила комиссия (тогда это был Октябрьский райком КПСС, позже – московский РУОП, а сейчас Главное управление МВД по Центральному федеральному округу). На их робкие протесты строгие «партчлены» твердо сказали: «Ничего, отправитесь без барабанщика. У нас, как известно, незаменимых людей нет». И предложили, чтобы в поезде кто-нибудь, скажем, Максим Капитановский, который долго играл на барабанах, разучил все партии и выступил. Кто-то из них, особенно продвинутый, даже вспомнил «секретную» информацию: мол, когда «Битлз» в первый раз посетили Америку, у Ринго Стара удаляли миндалины, и с ними играл другой ударник. Возмущенный Макаревич скрепя сердце произнес: «Всякие западные артисты нам не указ. Здесь СССР и райком партии, между прочим!» Эффект фразы оказался фантастический! Все члены комиссии, как по команде, обернулись к политически неграмотному барабанщику и дружно приняли решение – разрешить Ефремову пересдать. Про костюмершу как-то забыли.

Самым гнусным в работе «старых большевиков» оказались расспросы о личной жизни кандидатов на поездку. Поскольку большинство участников группы было разведено, а то и вообще неженато (это вдвойне подозрительно), допрашивали их с пристрастием. Почему развелись, с кем живут дети, что они сейчас проходят в школе? Гениальный ответ на все большевистские происки дал Виталик Павлов, много раз выезжавший (причем даже в капстраны) в составе ансамбля «Верасы». Он, на свою беду, был женат третий или четвертый раз на красавице Клаве Ивановой. Свои ответы Виталик отработал до мелочей. На вопрос

уже плотоядно потиравших руки старперов, что послужило причиной его развода с первой женой, он ответил, покраснев и потупив очи (делал он это в совершенстве): «Это находится в компетенции органов здравоохранения». И все! Крыть было нечем – Виталик выкинул козырного туза или даже джокера. Зато остальных, за исключением Макаревича и Голды, пытали по полной программе.

Ехали они в Польшу поездом с Белорусского вокзала. Тогда еще не было таких безумных толп «челноков» с клетчатыми сумками, как в девяностые, а проводники вели себя вежливо и предупредительно. К тому же при проезде по территории СССР работал за рубли вагон-ресторан, а точнее, вагон-кафе под названием «Митропа», в котором по шадящим ценам продавался алкоголь, а также разные импортные вкусности, которых тогда в Москве и не видели. Это сейчас мы справедливо считаем всякие кока-колы, марсы-сникерсы и бумагодержущую колбасу салями натуральной гадостью. А тогда...

Варшава встретила артистов теплой, но пасмурной погодой. А мрачноватости «советским битлам» добавило то, что их поселили в беззвездочном отеле «Dom hłora». Если попробовать перевести это выражение на русский, то получается что-то вроде избушки холопа. Кто такие холопы, думаю, известно всем. Но при более тщательном лингвистическом анализе выяснилось, что это – «дом колхозника», что, правда, звезд заведению не прибавляло. Особенно недовольными оказанным невниманием были Макаревич и директор Голда, которые на встрече с представителями советского посольства выразились в том смысле, что лидерам отечественной рок-музыки негоже жить в трущобах. Как ни странно, претензии артистов немедленно удовлетворили и следующим утром их переселили в четырехзвездочный «Форум». Как утверждает Максим Капитановский, в этом отеле нашлось все – от бара до стриптиза. Последний, правда, посетили только представители администрации, после чего долго плевались, говоря, что наши девчонки из города Калинина делают все гораздо лучше и за меньшие деньги. Как тут не вспомнить анекдот? Приезжает супруга из заграничной поездки и говорит мужу: «А ты знаешь, мы ведь ходили всей группой на стриптиз». – «Ну и как?» – с энтузиазмом спрашивает муж. «Сейчас покажу». Жена включает радиолу «Ригонда», ставит на нее гибкую пластинку с песнями советских композиторов о любви и начинает медленно раздеваться. Муж, сначала ожидавший шоу с интересом, через некоторое время глубокомысленно замечает: «Правильно говорят наши партийные руководители: стриптиз – отвратительное зрелище. Отрыжка прогнившего Запада, так сказать...»

Но еще более «прогнившим» оказался фестиваль «Морковка-86». На самом деле это было всего лишь скопище идиотов со всей Европы, которые, не умея ни петь, ни танцевать, ни играть, пытались самовыражаться нетрадиционными формами и способами. Если бы зрители, что собралось в старинном зале, чудом уцелевшем во время штурма Варшавы в 1945 году и после этого, похоже, ни разу не ремонтировавшемся, не были обдолбаны, обкурены и нагаллюциногенены, они бы тут же забросали европейских «артистов» помидорами и яйцами и быстренько разошлись по домам. А так они весьма спокойно воспринимали шуршание и разрывание оберточной бумаги, транслировавшееся с большой громкостью, а то и просто молчание перед микрофоном. Тот же Макс Капитановский вспоминает в своей книге «Все очень непросто» самые искрометные номера: «Выходит на сцену человек с собакой и 20 минут „альтернативно» молчит или двое молодых людей из Бельгии бродят по сцене, заваленной обоями, постукивают в барабан и раздеваются до пояса снизу». Говорят, что на второй день на сцене появился какой-то человек с аккордеоном и стал исполнять немецкие народные мелодии, за что был дружно освистан, как не вписывавшийся в формат «альтернативного» фестиваля. Как ни странно, «Машина времени» в него вписаться сумела. Вот она – волшебная сила искусства! Как только громко застучал по барабанам Валера Ефремов, а Кутиков начал трясти волосами и бородкой, зрители заволновались. А балетные номера

вообще вызвали у поляков что-то вроде столбняка. Через некоторое время в затуманенных наркотиками мозгах зрителей и участников «Морковки» стал формироваться стереотип советского неформального искусства. «Интересно, – думали они, – а какое же искусство у них там называют традиционным?» Но мысли эти со временем улетучились, и «Поворот» прошел при «бурных продолжительных аплодисментах, переходящих в овацию».

Прогулки по Варшаве между концертами особого интереса не представляли. Такие же, как в Москве, грязноватые улицы, торговля в различных «неположенных местах» всем чем угодно (у нас все это войдет в моду примерно через год), чешские трамваи, наши «Жигули», смешавшиеся с польскими «фиатами»... В общем, барак у поляков был хоть и повеселее, но, пожалуй, даже победнее нашего. Кстати, за все время общения с местным населением никто не спросил артистов ни про Буденного, ни про Катынь. Правда, говорили что-то там про «Солидарность» и гданьские события, но без особого фанатизма. Все-таки поляки – нация более торговая, чем политизированная. Любая политика для них – средство что-нибудь кому-нибудь продать. Вот, к примеру, в 2006 году они завезли в Россию сотни тонн мороженого мяса, хранившегося лет десять, которое в свое время совсем недорого купили в Бразилии, а теперь выдали за свое, польское. Наш доблестный главный санитарный врач Онищенко поймал их на мошенничестве и запретил ввоз мяса из Польши. Так они, гады, наложили вето на подписание очередного соглашения между Россией и Евросоюзом! Нам, правда, от этого ни жарко, ни холодно, поскольку при отсутствии нового соглашения продолжается действие старого, нас вполне устраивавшего. Но поляки все равно выпендрились, показав свою независимость. Как у нас любят говорить, независимая страна – это страна, от которой ничего не зависит...

Нам с Алексеичем удалось побывать в Польше уже после развала СССР и крушения польского социализма, так что впечатления оказались несколько иные. Ранней весной 1992 года отправились мы с туристической группой (читайте – группой «челноков») по маршруту Москва-Варшава-Белосток-Москва. Честно говоря, я ехать никуда вообще не собирался, но в гастрольной работе «Машины времени» появился перерыв, а сидеть и тупо репетировать с коллегами, которые понимают язык музыки только с третьего-четвертого раза, если понимают вообще, меня совершенно не прельщало. В свое время по аналогии с хоккеистами, у которых есть выражение «Тренируется тот, кто играть не умеет», Стас Намин выдал сходную крылатую фразу. На вопрос какого-то провинциального корреспондента, сколько часов в день репетирует ансамбль «Цветы», он сказал, что репетируют люди, которые не могут сыграть что-то с первого раза, а таких он в коллективе не держит. В общем, свободное время было, путевка, да еще со скидкой, стоила очень недорого (долларов двести на неделю), а выпить «выборовой» водки на родине Дзержинского, Барбары Брыльской и хоккеиста со звучной фамилией Ёбчик, забросившего нашей сборной три шайбы во время чемпионата мира в Катовице, хотелось.

Отправились мы, как обычно, с Белорусского вокзала, причем оказались единственными гражданами России, у которых не было с собой багажа. Две маленькие сумочки со сменой белья и туалетными принадлежностями и пакет с водкой и закуской за багаж никто не считал. Я никогда и нигде больше не видел таких огромных сумок, как тогда на Белорусском вокзале. Гигантские клетчатые вместилища товаров народного потребления из прочнейшего нейлона выглядели настолько монументально, что казавшийся мне до того огромным вратарский баул Алексеича смотрелся рядом с ними как дамская сумочка. Сумки имели специальную конфигурацию, чтобы проходить в вагонные двери, а затем помещаться на верхних багажных полках. Я наблюдал, как из только что пришедшего экспресса выталкивали клетчатых чудовищ. Двое тянули за ручки снаружи, а другая пара толкала багаж из тамбура. А

потом это все тащилось в город и растворялось в пучине вещевых рынков и комиссионков, которые тогда еще существовали.

Мы с Алексеичем сидели вдвоем в трехместном купе (три полки друг над другом, правда, широкие и мягкие), поскольку ради комфорта выкупили третий билет до польской столицы. Как выяснилось позже, сделали мы это совершенно правильно и извлекли из содеянного немалую по тем временам выгоду. Правда, поначалу все попытки занять «свободное место» мы отвергали, но потом решили, что за 50 долларов заполнить верхнюю и багажную (она была напротив) полки можно. Челноки из соседнего купе, багаж которых не влезал к ним, за жизненное пространство кроме полтинника выдали нам еще жареную курицу, которых у них было в запасе аж шесть штук, бутылку «Абсолюта» и два блока сигарет LM, бывшие, как выяснилось позже, у наших польских братьев самым ходовым товаром. Зашедший к нам в купе проводник узнал меня и, взяв автограф, спросил:

«А что, у „Машины времени» действительно так плохи дела, что приходится „челночить»?» Я, не моргнув глазом, ответил ему, что сейчас просто моя очередь, а вот на следующей неделе товар в Польшу повезет Макаревич. Проводник во всеуслышание пообещал нам решить все проблемы с багажом на таможне, за что соседи выдали нам на границе еще двадцать пять долларов. А потом еще привели к нам безбилетного гражданина, который готов был отдать сто долларов за то, чтобы его перевезли через границу, причем обещал появиться в купе лишь в Бресте. Мы, конечно же, согласились, заработав таким образом на почти бесплатном (30 долларов) билете около двухсот баксов и водку с закуской.

Обеспечив себя финансовым и пищевым довольствием, мы мирно попивали водку, как неугомонные соседи опять пришли к нам пообщаться и посоветоваться. Оказалось, им нужно было перевезти через границу три тысячи незадекларированных долларов на закупку товара. А сделать это на халюву было очень трудно, поскольку таможенники знали всех постоянных «клиентов» и брали с них до 10 процентов от провозимых сумм. Сначала они предложили нам за столытник разместить свои капиталы у нас, но мы отказались. Алексеич, правда, обещал подумать и найти такое место, где валюту точно искать не будут. За удачный провоз ему также была обещана премия, но лишь в 50 долларов, поскольку никакой ответственности он не нес, а просто креативно подходил к решению проблемы.

Уже на подъезде к границе, когда «челноки» заволновались и стали настойчиво просить «думать побыстрее», Алексеич продемонстрировал блестящий ход. Закрывшись в купе, он взял несколько «сотенных», смял их комком, завернул в газетную бумагу, скомкав еще больше, а затем принялся за фольгу, в которой до этого находилась жирная жареная ряба. Оторвав соответствующий кусок, он сунул в него пару бычков, куриную кость (так, чтобы она торчала наружу) и газетный сверток с долларами. Затем скомкал фольгу вокруг внутреннего содержимого. Примерно так же были изготовлены еще несколько «контейнеров». Обильно посыпав их спитым чаем и прочим мусором, он аккуратно разместил их в прозрачном полиэтиленовом пакете, как бы приготовленном к выбросу в помойку. А сам пакет положил на самом видном месте – у окна на столике рядом с полупустыми чайными стаканками. Забегая вперед, скажу: композиция оказалась настолько блестяще изготовлена, что когда таможенники на границе стали «шмонать» наших соседей и ничего не нашли, они так расстроились, что пообещали убить своего информатора, который сообщал им о провозимых ценностях. В заключение, пожелав сквозь зубы счастливого пути, один из них сказал: «Вы бы хоть убрали тут у себя, все-таки за границу едете», – на что получил ответ в том смысле, что «курица – не птица...»

Хотя я несколько раз пересекал бывшую советско-польскую границу, делал я это по преимуществу либо во сне, либо очень нетрезвым. А тут случилось так, что мне удалось даже провести некоторые наблюдения. Не знаю почему, но по мере приближения заграницы

дома вдоль железной дороги становились все более основательными. Если километров за сто мы видели крытые соломой хатенки, то через пятьдесят верст вокруг стояли уже кирпичные строения, покрытые оцинкованным железом. А еще ближе к рубежу бывшего общего Отечества разместились прообразы современных коттеджей с гаражами и высокими заборами. Зато после переезда и смены вагонных тележек на более узкие европейские опять появились соломенные крыши и глинобитные стены, которые по мере удаления от экс-СССР постепенно сменялись деревянными и кирпичными домиками, домами и домищами. Правда, скажу вам, не было ни одного строения, которое можно было бы без стыда показать сегодня где-нибудь на Рублевке. Но закономерность в размещении жилых строений мне вывести так и не удалось, поскольку я выпил водки и проспал до самой Варшавы.

Правда, до нее была еще таможня, разговор о которой – совершенно особое дело. Вот там-то и выяснилось, что везут наши сограждане в Польшу. В первую очередь, это были сигареты всех зарубежных лейблов. Почему-то детские снежокаты. Другой вариант снежокатов – алюминиевый тазик в форме большого, но мелкого казана, который тоже использовался у нас в стране как средство для спуска детишек с гор. Но как выяснилось, их в ходе конверсии производили на каком-то оборонном предприятии с чуть ли не микронной точностью. А предприимчивые поляки, привернув к ним кронштейны и провода, изготавливали из них редкие и дорогие по тому времени комплекты спутникового ТВ. Ну и, конечно, везли икру черную, икру красную, еще какие-то консервы и кучу другого барахла, которое у нас можно было купить относительно свободно, а в Польше – с трудом и значительно дороже. Таможня, как я понял, была призвана несколько сnivelировать разницу в ценах, причем деньги от этой «nivelировки» шли непосредственно в карман таможенникам. Вместе с проводником они обходили купе и, посчитав сумки, объявляли: двести, триста, а то и пятьсот. Когда очередь дошла до нас, нам уже объявили было «двести», как проводник начал что-то горячо шептать на ухо усатому гражданину в фуражке и с погонами. Слышно было лишь «Машина времени» и «наши люди». Нам тут же было оказано доверие, выразившееся во фразе: «Ну ладно, так и быть, пусть проезжают».

Тех, кто по недомыслию начинал спорить с таможенниками (на весь поезд – человека три), начинали шмонать со всей пролетарской ненавистью. В результате оставляли им по два блока сигарет, по банке икры и по две бутылки водки. Все остальное же забирали на «склад временного хранения», чтобы «граждане могли забрать свои вещи по возвращении». Но если учесть, что «граждане» возвращались из Польши не через Белоруссию, а через Украину, становилось понятно: товар исчезал на таможне навсегда...

Варшава встретила нас сереньким небом, прохладным дождиком и ветром 5-10 метров в секунду. Для людей несведущих – погода была просто мерзкая. Впрочем, как и сама столица Польши. Единственное светлое пятно – это сталинская высотка в центре, около которой стоял постамент с каким-то новым автомобилем типа «пежо». Это оказалась «завлекалка» в казино, которых в СССР не было, а в нынешней России, говорят, скоро не будет, а если точнее, их загонят в резервацию. Правда, если резервация окажется чем-то вроде Лас-Вегаса, то, может быть, и я съезжу проиграть тышчонку-другую. Хотя вряд ли...

Если во время поездки «Машины времени» в ПНР артистам запомнились огромные плексигласовые ящики для пожертвований на нужды города, полные денег, то в «новой» Польше они уже отсутствовали. Хотя денег в те времена в них было много: чудовищная инфляция, – и, чтобы заполнить ящик емкостью в кубометр, пришлось бы собрать всего лишь около трехсот долларов. Тогда же, когда мы с Алексеичем бродили по улице Маршалковской, польские деньги делились на «старые злотые» и «новые злотые». Если не ошибаюсь, то один «новый» равнялся тысяче «старых». А может быть, и десяти тысячам. А получить как те, так и другие можно было в располагавшихся на каждом углу (видимо, вместо

ящичков для пожертвований) обменниках под названием «Kantor». Алексеич тут же рассказал историю про своего детского приятеля по фамилии Кантор, который очень переживал из-за еврейской фамилии. «Вот ему было бы приятно прочитать о себе на каждой улице каждого более или менее крупного польского города», – сказал мой большой друг. Кстати, сейчас этот самый Кантор – мультимиллионер, приватизировавший целый ряд предприятий по производству минеральных удобрений. Говорят, что скоро свалит за рубеж, поскольку не без оснований боится, что все у него отнимут, а самого посадят.

Вместе с группой сопровождавших нас «челноков» мы совершили краткий визит на стадион. Дружественным этот визит назвать было бы трудно, поскольку местные бандиты у одной «челночницы» отняли сумку с деньгами, а двоих ребят, вступившихся за нее, отделали бейсбольными битами. Скажу честно, несмотря на то, что поляки – католики и, как мне кажется, довольно ревностно относятся к требованиям христианства, заповеди Господни никто из молодежи не соблюдает. Во всяком случае, бандитов и проституток в Варшаве было гораздо больше, чем в Москве 1990 года. Те же кожаные куртки, бритые затылки, спортивные штаны, иногда черные джинсы...

Стадион на самом деле являлся уже не спортивным сооружением, каковым был когда-то, а крупнейшим вещевым рынком Польши. По большей части, продавалось там всякое барахло, которое либо привозилось из Юго-Восточной Азии, где сильно поднаторели на изготовлении подделок, либо производилось на польских подпольных фабриках. Одну из таких мы посетили тем же днем. Где-то на окраине Варшавы, куда нас привез «челночный» автобус, обнаружился огромный ангар, к которому вела мощная линия электропередачи. Часть помещения выделили под склад, который был забит тысячами джинсов-варенок. Другая – примерно пятьсот квадратных метров – являлась «производственной зоной». Всю ее занимали стоявшие вплотную друг к другу швейные машинки. За ними, понятное дело, сидели лица азиатской наружности и женского пола. Алексеич осведомился у хозяина, к какой национальности принадлежат дамы, на что тот, не задумываясь, ответил: «К русской». На что Алексеич, тоже не задумываясь, дал комментарий: «Русский-то русский, только глаз узкий». При более детальном исследовании выяснилось, что правы оказались оба. Примерно половину работниц составляли кореянки из Ростовской области.

Конечно, сейчас мало кого интересует порядок оптовых и розничных цен на продукцию польского ширпотреба, но скажу для справки, что столь популярные у наших пацанок конца восьмидесятых варенки «Молина» стоили по десять долларов при закупке до пяти пар, по девять – до десяти, по семь – до тридцати и по пять – до пятидесяти. Далее начинался крупный опт. Если хорошо поторговаться, то тысячу пар можно было купить по три доллара, а за триста – отправить грузовой фурой в Союз. Но мы с Алексеичем варенки не носили, так что покупать ничего не стали. «Челноки» же загрузили багажники автобуса тюками и сумками с джинсами, после чего мы отправились обратно в город.

Замена ящичков для пожертвований на «Канторы» отнюдь не пошла на пользу варшавскому благоустройству. Дома выглядели ободранными и серыми (кроме католических костелов, конечно, которые были из красного кирпича). Когда мы ехали по городу, обнаружили целые кварталы «хрущевок», которыми СССР в свое время наградил Польшу. А остальное сильно напоминало варшавское гетто времен Второй мировой войны. Кучи мусора, какие-то подозрительные личности, шныряющие по подворотням. В общем, не понравилось нам в этом городе. Тем более что нас еще повели ужинать в «ресторан». По уровню это оказалось что-то вроде рабочей столовой. Единственное, что отличало «польский ресторан», – это поставленные на голых пластиковых столах свечи. Стулья, кстати, тоже были «столовские» – на металлических паучьих ножках. Кстати, сейчас бы их назвали «мебель в стиле хай-тек». А так, просто говно и все. Алексеич уже гораздо позже рассказал мне, как в Сочи зашел в магазин-салон итальянской мебели, в котором этого «хай-тека», дерьма то есть, стояло пруд

пруды, и увидел замечательную пару южных кровей. Плотный усатый мужчина внимательно рассматривал бюст продавщицы (сейчас они все почему-то называются менеджерами), которая, наклонившись вперед, показывала ему какие-то проспекты. А его супруга носилась по магазину, то и дело крича: «Гоги! Гоги!» Он долго не отзывался. Но потом на крик: «Гоги, посмотри же, какой миленький стулчик!» – всетаки соизволил оторваться от созерцания сисек и пошел в сторону жены. «Стулчик» действительно был что надо. Три никелированных ножки, сходящиеся вверху, явно напоминали советские стулья шестидесятых-семидесятых, но не с ржавчиной, пробивающейся через краску, а с благородной полировкой. Сверху на них покоилась привинченная никелированными же болтами фанерка красного цвета, примерно сантиметров двадцать в ширину. Вырезана она была в форме сердечка. Точно такое же «сердечко» украшало «спинку» изделия, которая представляла из себя... Ну, конечно же вы правы, никелированную трубочку, начинавшуюся под сиденьем и причудливо изогнутую. Алексеич уже предвкушал, как мощный кавказец сядет на «стулчик» и раздавит его ко всем чертям, но тот всего лишь подошел, взял его, попробовал на вес и изрек гениальную фразу: «Манана, ты дура! На этот „стулчик» мой жопа не сядет. А для металлолома – веса мало!» – и отправился восвояси изучать проспекты, вернее, сиськи. Маленькая деталь: на изделии была бирка с надписью о том, что он якобы изготовлен в городе Модена на родине ныне покойного, к сожалению, Лучано Паваротти, а также по эскизу тоже покойного Сальвадора Дали. Бумажку с надписями украшали две голограммы, сургучная печать с надписью «Pavarotti style» и ценник 300 долларов.

Увидев на столах стаканы с мутноватой жидкостью типа компота и грязные приборы, мы с Алексеичем поняли, что останемся голодными. Предупредили гида, что вернемся через полтора часа к отъезду автобуса, и прошли ловить такси. Почти разваливавшийся на ходу польский «фиат» начала семидесятых отвез нас в центр, где я еще пару часов назад приметил пивную, на вывеске которой была изображена здоровенная свиная морда. Понятное дело, свиные блюда там имелись. Мы заказали по огромной порции «бигоса» – свинины с кислой капустой, две бутылки «Выборовой», и жизнь стала налаживаться. А когда в автобусе выпили третью, то сразу окунулись в объятия Морфея и проспали до самого города Белостока, опровергая тем самым поговорку о том, что «сон алкоголика короток и тревожен». Или мы были не алкоголиками, или поговорка была неправильной.

То место, где нас поселили в этом польском городке, трудно было называть отелем. Ему более подходит определение, придуманное в свое время Виктором Черномырдиным, нашим премьер-министром девяностых. Выступая на съезде аграрников, он, как обычно, с трудом читал заключительное слово. А взволнованные крестьяне все несли и несли в президиум записки и наказания. И когда Черномырдина спросили, что с этими бумагами делать, он, на минуту оторвавшись от своего текста, сказал гениальную фразу, делая при этом руками сгребавшие жесты: «Их, я понимаю так, надо все собрать (при этом слове руки заходили быстрее и шире) и... засунуть в одно место». Вот в таком «одном месте» и оказались мы с Алексеичем. Скромные шестиместные «люксы», заставленные сумками с товаром, по два душа и сортира без унитазов на этаже – вот, собственно, и все удобства. Правда, тут мы вспомнили, что у нас есть не только желание комфортного проживания, но и деньги с портретами американских президентов. Тут же были проведены двухраундовые переговоры с администрацией, и за бумажку с портретом Джексона (\$ 20) нас перевели на другой этаж в уютный двухместный номер.

Правда, туалет (на этот раз с унитазом) находился в коридоре, но у него было одно достоинство: он запирался на ключ, дубликат которого нам выдали за те же самые двадцать долларов.

Ранним утром все торговцы отвалили на рынок, а мы побрели осматривать достопримечательности. Их было немного. Центральная улица с «фирменными» магазинами (даже в «Адидасе» там торговали «палеными» кроссовками, которые Алексеич тут же выявил по кривой строчке и вылезавшим между подошвой и верхом каплям клея). Был еще обшарпанный собор (католический, конечно), а также кафе, в котором, к нашему удивлению, нам подали настоящий кофе. До этого момента я думал, что в Польше настоящая только водка, а все остальное – подделки из Китая. Выяснилось, что нет. Еще более или менее реальными оказались местные девушки. Честно говоря, я попробовал пуститься во все тяжкие еще в Варшаве, но местные пани почему-то упорно не хотели воспринимать русскую речь, хотя, гадуки, точно учили наш язык в школе. Зато провинциальные девчонки были гораздо более коммуникабельны и даже строили глазки. Так что моих познаний в польском языке типа «Пшепрошем пани» и «Водка wyborowa» оказалось вполне достаточно. Пока мой друг искал в Белостоке хоккейный стадион (это оказалось недостроенное сооружение, переоборудованное под «торговый центр»), я выпечил себе симпатичную блондинку, которая, совершенно не упираясь, согласилась «выпить со мной чашечку кофе». Правда, тут же закурила и заказала двойную порцию «Мартеля» (как мне показалось, местного производства). Выяснилось, что она обладает красивым (в Польше) и главное редким (у нас в стране я его не встречал) именем Крыся. Как тут не вспомнить Алексеича, который лет через пятнадцать имел беседу с молодой особой татарской национальности, назвавшейся Зиной. Он, как и я, сделал девушке комплимент насчет редкого и красивого имени. Та выпила и полезла в свою сумочку, говоря при этом, что она – несчастнейшая женщина. Достав свой «орластый» паспорт, она продемонстрировала Алексеичу страницу с персональными данными, где черным по белому было написано: «Нуртдинова Зайба Мухометовна». С Зайбами Алексеичу встречаться еще не приходилось, и он стал успокаивать даму, говоря, что это прекрасное и загадочное восточное имя, что Восток – дело тонкое, ну и все в таком духе. На что девушка сказала ему, что ударение нужно делать на последнем слоге. Тут даже мой друг несколько смутился и спросил, не думала ли она о перемене имени. И получил ответ, что ей скорее отрежут голову, чем дадут это сделать, поскольку так звали ее бабушку, которая во время войны была чуть ли не Героем Советского Союза. И вообще, папа сказал, что с таким именем любой татарский мальчик возьмет ее замуж, а всякие там неверные им в семье не нужны. Услышав слово «замуж», Алексеич, как человек порядочный и к тому же уже женатый, счел нужным немедленно ретироваться.

А Крыся тем временем хлестала коньяк так, как будто не выпивала лет пять. При этом не забывала очаровательно улыбаться и что-то «пшекать». В языках я не силен, но понял, что в нашу «гостиницу» она ехать отказывается, что дома у нее брат, сестра, мама и бабушка, но есть подруга, которая за «небольшую плату» готова оказать гостиничные услуги нам – влюбленным голубкам.

«Небольшая плата», в конце концов, вылилась в полновесные пятьдесят баксов, а «апартаменты» представляли собой одну из комнат «двушки» в панельной пятиэтажке. Особый колорит интимному свиданию придавала подруга, которая за стенкой успокаивала маленького ребенка неизвестного пола, время от времени звучно шлепая его, от чего последний начинал дико орать. В общем, секс по-польски прошел в обстановке, приближенной к боевой. Крыся, правда, старалась, как могла, предложив мне даже «саксофон», то есть разновидность орального секса, что почему-то считалось чем-то необычным и почти запретным. Но при слове «анальный» уперлась всеми четырьмя конечностями и оказала активное сопротивление. Я же по доброте душевной настаивать не стал и лишь попытался выяснить, почему же у них такая сексуальная дискриминация. Оказалось, что католики считают этот вид интимного общения чуть ли не смертным грехом, именуя его словом «содомия». Как все-таки сильны в жизни некоторых отсталых народов религиозные предрассудки!

Вернувшись в наше «место», я лег на кровать и под мощный храп Алексеича стал рассуждать об истории и перспективах Польши. Из своих размышлений я сделал два основных вывода. Первый – мы совершенно правильно не стали брать поляков обратно в 1920 и 1945 годах, и второй – эту страну могут спасти только женщины и водка. Наверное, я был прав.

Скажу четырьмя словами: Польша мне не понравилась. И никому из тех людей, к которым я отношусь с симпатией (а это – большинство населения нашей страны), я не советую посещать ее ни с торговыми, ни с туристическими, ни с какими-либо другими целями, кроме как попить водки и пообщаться с местными девушками. Вот написал я эту фразу и задумался: а какого хрена нужно для этого отправляться в Польшу? У нас все проще, понятнее и лучше. Так что, дорогие мои, в Польшу мы не едем.

А в заключение один из любимых анекдотов Алексеича, который он, будучи преподавателем истории КПСС, в конце семидесятых рассказывал на своих семинарах, рискуя потерять работу. Идет выставка картин, посвященная очередному ленинскому юбилею. Партийная комиссия осматривает залы. Все члены дружно кивают головами (чуть не написал «головками»), как вдруг видят странную картину молодого талантливого художника. Приглашают автора, и председатель спрашивает: «Вот ваша картина называется „Ленин в Польше». А у вас тут на картине изображены две пары ног, которые высовываются из-под одеяла. Чьи, к примеру, вот эти широко раздвинутые белые, чуть полноватые ноги пальцами кверху?» Художник отвечает: «Это ноги верной соратницы Владимира Ильича Ленина, его супруги Надежды Константиновны Крупской». – «А вот другие ноги, худые, темноватые и мускулистые, пальцами книзу?» – «А это ноги верного соратника Владимира Ильича, железного, я бы сказал, Феликса... Эдмундовича Дзержинского». – «А при чем тут Ленин?» – спрашивает председатель. На что художник отвечает: «Ленин-то тут в общем ни при чем. Он ведь в Польше...»

Хенде хох!

Я помню себя примерно лет с четырех. Первые детские воспоминания: мама, бабушка, наш дом на будущем проспекте Мира... И первые иностранные слова. Нет, не битловские «Yesterday» или «Love me do», а целый набор немецких выражений. Годам к шести я знал их уже около сотни, впрочем, как и все окрестные мальчишки, которые и через двадцать лет после Победы играли в «наших» и «немцев». Зимой, кстати, тоже бились с «немцами», только представлявшими Тевтонский орден, – играли в Ледовое побоище. Тут, кстати, было проще с «костюмами». Старая простыня с намалеванным углем крестом, ведро с дырками для глаз на голову – вот и все снаряжение немецкого «рыцаря». А в теплое время... Весной, летом и осенью во дворах звучала звонкая немецкая речь. И не надо мне говорить, что она «лающая». Во-первых, у юных пацанов голоса сами по себе не грубые, а во-вторых, вы, видимо, не слышали китайцев. Вот у них звучание языка совершенно «гавкающее», причем даже когда они говорят о чем-то нейтральном, кажется, что вот-вот, и возникнет серьезный конфликт.

Основой для изучения немецкого были, как вы понимаете, художественные фильмы о войне и не менее художественная литература о том же самом. Наиболее употребимыми были «хенде хох», «Гитлер капут», «аусвайс», «нихт шиссен», «зиг хайль», «варум нихт», «цурюк», «арбайтен», «ферботен»... Но с течением времени наш «немецкий» лексикон все более расширялся. «Семнадцать мгновений весны» привнесли в него «партайгеноссе» (так стали звать низкоставленных секретарей партячек), «штандартенфюрер», «рейхсфюрер» и других «фюреров». А «12 стульев» порадовали бессмертным «Гебен зи мир битте... А, это я знаю...» В общем, любой московский пацан мог при желании вполне сносно объясниться с каким-нибудь гражданином Германии, как Восточной, так и Западной. А в случае чего, если тот, к примеру, не понимал, шугануть его громким: «Гитлер капут!» Эффект был обеспечен.

Но шло время, ужасы войны уходили все дальше, детские игры менялись в угоду политической конъюнктуры, как бессмертная книга Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч», в которой отрицательными героями были то немцы, то японцы, то американцы (в зависимости от года издания). А потом и вовсе стали какие-то идиоты, не имевшие никакой национальной принадлежности. Но немецкий все же не забывался. Его учили в школах, в вузах, на курсах. Зачем? Трудно догадаться. На английском, скажем, говорили более миллиарда человек, на французском – четверть миллиарда, а на немецком – всего-то граждане обеих Германий и анклавов в Бельгии и Швейцарии (силезских немцев и немцев Поволжья я не считаю). Тем не менее с завидным упорством наши школы выпускали «способных читать и переводить со словарем» двух видов: «англичан» и «немцев». Видимо, потому что сотни миллионов испаноязычных граждан, почти миллиард индусов, а также более миллиарда китайцев нападать на нас не собирались и в обиход «вероятных противников» не входили. Кстати, с китайцами мы ошиблись, о чем свидетельствовали события на острове Даманский. Может быть, и нужно было подучить иероглифы...

Значительная часть из написанного в двух «немецких» главах посвящена стране, которая сейчас не существует, – Германской Демократической Республике. Практического значения для туристов и гостей нынешней Германии все это не имеет, но тем не менее дает возможность понять менталитет нынешних «осси», то есть восточных немцев, и напоминает нам о совсем, кажется, недавнем прошлом со всеми его радостями и уродствами...

Первым из моих знакомых хоккеистов Восточную Германию открыл Олег Ильин, с которым мы познакомились в начале восьмидесятых, когда он играл в хоккей за команду Московского университета, параллельно с выступлениями в других коллективах. Познако-

мил нас, конечно, Алексеич, привлекавший друзей-музыкантов к хоккею, а коллег-хоккеистов – к музыке. Приехал Ильин в столицу из Брянска поступать на рабфак факультета журналистики МГУ. Для молодого поколения скажу, что рабфаки, или рабочие факультеты, были введены в двадцатые годы для того, чтобы классово близкие коммунистической партии рабочие и крестьяне могли адаптироваться к условиям учебы в высших учебных заведениях. Чтобы поступить, нужно было иметь не менее двух лет стажа или пройти службу в армии. Вместо экзаменов абитуриенты проходили собеседование. Обычно оно состояло из нескольких вопросов из школьной программы. Для спортсменов же был установлен сверхльготный режим, и они могли писать английские слова русскими буквами, чтобы легче было прочитать, а также безбожно списывать. Бывало, правда, что списывали с ошибками, но все аргументировалось тяжестью тренировок и игр. Так что сообразительный от природы Олег не только успешно поступил на рабфак, но даже закончил полный курс факультета. Правда, не без сложностей. Его выселяли из общежития, пытались отчислить за неуспеваемость, даже выгнать из комсомола. Но за успехи в спорте и умение отлично рисовать разнообразную наглядную агитацию, в конце концов, простили. Простили ему даже то, что он, потеряв на пятом курсе зачетку, с помощью работавшей в деканате жены нашего общего друга Саши Астафьева, ныне заведомом иллюстраций «Московского комсомольца», добыл чистую книжку и проставил там себе зачеты и экзаменационные оценки за весь курс, умело скопировав подписи с зачетки своего партнера по хоккейной тройке Юры Комарова. Все было заверено настоящими печатями и только случайно выплыло наружу, поскольку одна преподавательница, увидев документ, сказала, что ей он зачета не сдавал. Кончилось дело тем, что диплом Ильин получил с опозданием на три месяца.

Будучи неплохим фотографом, он спокойно трудился в приложении к газете «Известия» – еженедельнике «Семья». И главное – получил столичную прописку благодаря фиктивному браку с некой особой, проживавшей на Волжском бульваре. Думаю, что эта дама не раз пожалела о своем опрометчивом поступке. Во всяком случае, на ее адрес до сих пор приходят судебные и полицейские повестки из различных стран мира, приглашающие «мужа» принять участие в слушаниях, процессах, дать показания или просто сдаться властям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.